

Ю. С. МАРТЕМЬЯНОВ

КОНСТРУКЦИЯ *avoir parlé* СО СТОРОНЫ СТРУКТУРЫ И ЗНАЧЕНИЯ

Из сложных глагольных конструкций современного французского языка, таких как *aller parler* (futur immédiat), *venir de parler* (passé immédiat), *être parlé* (forme passive), *avoir parlé* (forme composée), последняя представляется наиболее очевидным единством и рассматривается как аналитическая форма «основного» глагола (в нашем случае *parler*). Обычный довод в пользу «грамматикализации» конструкции носит негативный характер и заключается в указании на лексическую опустошенность основного глагола¹. В этом смысле конструкция *avoir parlé* оказывается совершенно «грамматикализованной», поскольку лексическая опустошенность *avoir* дополняется утратой пассивного оттенка у причастия². Иной, положительный смысл имеет определение сложной формы у профессора А. И. Смирницкого. Согласно А. И. Смирницкому, вопрос заключается в том, «каковы условия того, чтобы известные словосочетания выделялись именно наподобие грамматических форм тех основных слов, которые входят в их состав»³. Искомые условия А. И. Смирницкий усматривает в таком взаимоотношении аналитического образования и синтетической формы (при общем лексическом элементе, например *will work : works*), которое продолжало бы уже существующие отношения между синтетическими формами определенной грамматической категории (*will work : works — works : worked*) или напоминало бы подобные отношения и тем самым создавало новую категорию (*works : is working*).

В обоих случаях речь идет об отношениях смысловых, так что критерий принадлежности к парадигме является в основном семантическим. Наименее убедительным и четким оказывается этот критерий тогда, когда речь заходит об отличении определенных глаголов как вспомогательных, внутри «аналитической формы», от тех же глаголов в свободном сочетании. Соответственно, остается неясным, только ли к парадигме «основного» глагола принадлежит получающаяся «аналитическая форма», не относится ли она сразу к двум парадигмам.

В настоящей статье вопрос ставится именно с такой поправкой: каковы условия того, чтобы некоторое образование W_x , включающее форму V_x из класса A_V (парадигмы глагола V), принадлежало этому же классу и только ему, или, иначе, было словоформой этого и только этого глагола⁴.

¹ См. Н. М. Штейнберг, Сложные глагольные конструкции во французском языке (глаголы *aller*, *venir* и *être* с инфинитивом). Канд. диссерт., Л., 1955.

² См. З. Н. Липовецкая, К истории становления сложных глагольных форм с *avoir* в системе изъявительного наклонения во французском языке. Канд. диссерт., М., 1954, стр. 4.

³ А. И. Смирницкий, Аналитические формы, ВЯ, 1956, № 2, стр. 44.

⁴ «Под словоформой понимается... данное слово в данной грамматической форме, или данная грамматическая форма данного слова» [см. А. И. Смирницкий, К вопросу о слове (Проблема «тождества слова»), «Труды Ин-та языкознания [АН СССР]», т. IV, 1954, стр. 18].

Прежде всего правомерна попытка решить этот вопрос в чисто структурном плане, а именно: не выражается ли подобная исключительная принадлежность в самом строении словоформы (в составе и во взаимоотношении ее элементов)? В число безусловных («синтетических») словоформ класса A_v , например парадигмы глагола *parler*, входят образования вроде [pɑrlərjɔ̃], [pɑrləɔ̃], [pɑrlɔ̃] и др., которые при сравнении между собой обнаруживают довольно сложный состав:

$$\begin{array}{c} (il) [pɑrləɛ] \\ \hline - [pɑrl] \\ \hline [pɑrl/əɛ] \\ \hline - [pɑrlɛ] \\ \hline [pɑrl/ər/ɛ]^1 \end{array}$$

Составляющие элементы [əɛ] и [ɛ] следует признать значащими элементами², поскольку именно в них сосредоточено различие между соответствующими разными по смыслу словоформами³. Наличие у какой-либо словоформы, например [pɑrləɛ], элементов [ər], [ɛ], дополнительных сравнительно с [pɑrl], не мешает по-прежнему считать ее безусловной формой того же глагола *parler*, и только его.

Поэтому представляется необходимым определить особый характер элементов [ər], [ɛ], [əɛ] и др. сравнительно с элементами типа [pɑrl]. Различие между этими двумя разновидностями элементов заключается, как оказалось, в особенностях их речевого существования, а именно: [əɛ] в отличие от [pɑrl] никогда не составляет высказывания, т. е. «такого отрезка речи какого-либо лица, до и после чего это лицо молчит»⁴.

Можно думать, что способность некоторого отрезка звучания составлять высказывание и, соответственно, очевидность его связи с определенным значением играет очень важную роль для обратного узнавания (отождествления и выделения) этого отрезка в составе большего высказывания, т. е. даже при отсутствии выделяющего молчания — и наоборот. Это «наоборот» как раз и имеет место для элементов типа [əɛ]. Их неспособность составить высказывание позволяет сформулировать такое самоочевидное положение. Высказывание W_x , включающее высказывание V_x из класса A_v , принадлежит тому же классу и только ему, если элемент $a = W_x - V_x$ не составляет высказывания (такой элемент принято называть «связанным»).

Так, например, высказывания *tu leur parles*, *parle-leur!* и т. д. входят по-прежнему в класс глагола *parler*, ибо *tu* и *leur* не составляют высказывания. Отсюда вытекает необходимое условие исключительной принадлежности некоторому классу высказываний.

Для того чтобы какое-либо высказывание W_x , включающее высказывание V_x из класса A , принадлежало этому же классу высказываний и

¹ Это разграничение может быть произведено способом «непосредственных составляющих», причем в нашем случае правомерность сравнения опирается на полное тождество (в звуке и смысле) меньшей формы (model) с частью большей (expansion). См. R. S. Wells, Immediate constituents, «Language», vol. 23, № 2, 1947.

² Определяя значащий элемент как внешнюю (звуковую) разницу между двумя единицами одного класса, мы ничего не говорим о его минимальности. В этом отличие значащего элемента от «морфы», которая определяется как минимальный значащий элемент. Cp. Ch. F. Hoekett, Problems of morphemic analysis, «Language», vol. 23, № 4, 1947.

³ В этом случае мы совершенно согласны с А. И. Смирницким (см. А. И. Смирницкий, Некоторые замечания о принципах морфологического анализа основ, «Докл. и сообщ. филол. фак-та МГУ», вып. 5, 1948).

⁴ Определение заимствовано из книги: Z. S. Harris, Methods in structural linguistics, Chicago, 1951, стр. 14.

только ему, необходимо, чтобы элемент $a = W_x - V_x$ не составлял высказывания, или, что то же, чтобы W_x было простым высказыванием.

Конечно, удовлетворение настоящему условию еще отнюдь не достаточно для того, чтобы отнести соответствующее высказывание к грамматической парадигме глагола V^1 . Однако оно вполне достаточно, чтобы отказать в этом праве таким высказываниям, как *aller parler*, *venir de parler*, *être parlé* и т.п., которые по своему составу явно не могут быть признаки простыми².

Не удовлетворяет указанному условию и высказывание *avoir parlé*: элемент *avoir* может составлять высказывание без какого-либо «основного» глагола (ср. *avez!*, *Moi — l'avoir?!*), в качестве отдельной единицы особого класса простых высказываний (*de l'avoir*, *en avez-vous?*, *on les aura* и др.). Соответственно (см. стр. 37), эта единица должна узнаваться как нечто то же самое также и в том случае, когда она оказывается частью большего высказывания. Ср. «Don Hennequin qui prétendait qu'il avait dû jadis être carpe ou brochet, tant il avait dégoût de l'eau, pour en avoir trop bu, sans doute, en l'autre vie» (R. Rolland, Colas Breugnon). В этой связи обычное утверждение об изменении (и даже исчезновении) лексического значения у глагола *avoir* при сочетании с причастием (сравнительно с тем же глаголом в сочетании с именем) представляется очень мало вероятным. Действительно, трудно представить, почему слушающий не должен воспринять глагол *avoir* в обычном значении «обладания»³, тем более что по ходу речи причастие появляется позднее, иногда даже намного. Ср. «Trois années et demi de captivité, trois tentatives d'évasion lui en avait, estimait-il, suffisamment donné le droit» (P. Benoît, Fabrice); «Je pense avoir commis D'autres crimes encore que vous avez omis, Avoir un peu touché les questions obscures...» (Hugo, Contemplations).

Крайне сомнительно и то, чтобы, появившись в речи, глагол *avoir* оставался «белым пятном» вплоть до того момента, пока последующее причастие или имя не дадут ключа к его пониманию. Если мы выделяем из какого-либо комплекса $\{awwaxap\phi tu[e]\}$ звучание $\{awwax\}$, то это именно в силу узнавания его как глагола *avoir*, через отождествление с соответствующим определенным значением⁴. Это его значение должно входить как часть в совокупный смысл конструкции *avoir parlé*.

¹ Дело в том, что под парадигмой какого-либо глагола понимают обычно лишь часть класса соответствующих простых высказываний. Например, из класса простых высказываний с глаголом *parler*: а) *tu leur parles*, б) *de leur parler*, в) *parlera* и др. — в парадигму входят лишь единицы последнего типа, а именно целые отдельные слова, и не входят единицы типа *tu leur parles*, т. е. такие простые высказывания, элементы которых сами являются отдельными словами. Необходимое условие исключения причастия принадлежности классу имеет в виду лишь отграничить простое высказывание от непростых и не устанавливает различия между высказыванием и словом.

Можно отметить, однако, что понятие слова опирается непосредственно на прямую связь звучания с относительно законченным смыслом [оформленность может быть описательной]. См. А. И. Смирницкий, К вопросу о слове (Проблема «отдельности слова»), сб. «Вопросы теории и истории языка...», М., 1952, стр. 193], откуда вытекает возможность узнавания в данном звучании данного значения. Понятие высказывания тоже учитывает смысловую сторону, однако непосредственно опирается не на законченный смысл, а на выделяющее молчание.

² Их правомерно называют «конструкциями». Ср.: Н. И. Улиссова, Видые и временные конструкции с глаголом *aller* во французском языке. Канд. диссерт. Л., 1953; Н. М. Штейнберг, указ. соч.

³ Мы имеем в виду «обладание» в широком смысле, как присоединение к одному представлению другого, подчиненного.

⁴ Конечно, в контексте у этого значения могут появиться особые оттенки, в зависимости от особенностей самих реальных (внеязыковых) действий. Однако это обстоятельство не столько исключает, сколько предполагает существование единого значения (Gesamtbedeutung или signification générale; см. R. Jakobson: Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre, TCLP, vol. 6, 1936, стр. 240 и сл.).

Но в таком случае другую часть совокупного значения конструкции придется отнести, очевидно, целиком на долю причастной формы.

Следует отметить, что мысль о немотивированности значения «сложной формы» (например, *passé composé*) опирается на сопоставление смысла всего сочетания (например, «прошедшее, связанное с настоящим») со смыслом отдельно причастия («пассивность») и глагола *avoir*. Так как и в том и в другом случае этот смысл определяется путем прямой семантической оценки и потому не может считаться окончательно доказанным¹, то и само суждение о немотивированности представляется необоснованным.

Остановимся подробнее на форме причастия (*participe passé*). Распространено мнение, что *participe passé* означает «страдательность» («пассивность») и «перфектность», причем далее следует обычно уточнение: первое значение свойственно глаголам переходным, а причастие от переходных глаголов в лучшем случае указывает на особый «вид», если глагол «терминативный»². Это уточнение наводит на мысль, что оба указанных осмысления не только соответствуют двум особенностям реального глагольного действия, но прямо обусловлены этой реальностью, в то время как собственное значение формы в лучшем случае лишь способствует получению таких оттенков, не будучи, возможно, ни тем, ни другим.

Ограничимся двумя наблюдениями:

а) Оттенок «страдательности» обусловлен представлением об особой внешней причине некоторого состояния; при отсутствии этой причины такое осмысление вовсе не обязательно, даже в случае причастий от переходных глаголов. Ср. «Par la cartouche encore toute *noircie*, leur bouche est prête à flatter les tyrans» (Beranger, Textes); «Et tout cela était raconté d'une façon convenable et *modérée*, où parfois éclatait un enthousiasme *voulu*, propre à exciter l'émulation» (Maupassant, Boule de suif).

б) Насколько форма причастия от переходных глаголов безразлична сама по себе к обозначению «страдательности», можно судить по такому факту: в случае возвратных глаголов эта форма сохраняет нестрадательный смысл даже несмотря на опущение возвратного приглагольного местоимения, т. е. при полном совпадении с причастием от переходных глаголов. Ср.: «Elle vivait *retirée* dans des pratiques pieuses» (Flaubert, Salammbô); «L'un d'eux, un petit garçon, *assis* par terre, achevait de ronger un os de poulet» (V.-Couturier, Enfance), где *retirée* и *assis* означают, соответственно, «удалившись» и «усевшись» (от *se retirer* и *s'asseoir*), а не «удаленная» (кем-то) и «посаженный» (кем-то). Вот почему правомерна попытка понять, как бы «схватить», собственное значение языковой единицы в отвлечении от контекста.

Для грамматических единиц такой путь мысли постольку, поскольку они (например, словоформы глагола) составляют немногочисленную замкнутую группу (парадигму) и, кроме того, поскольку между ними, внутри группы, существует определенный однозначный порядок; другими словами, поскольку они образуют систему.

¹ Например, *passé composé* определяется не только как «прошедшее, связанное с настоящим» (см., например, A. Dauzat, Le génie de la langue française, Paris, 1947) или как «прошедшее субъективное» (*passé de la mémoire* — см. J.-M. Buffin, Remarques sur les moyens d'expression de la durée et du temps en français, Paris, 1925), но и как особый вид (*aspect extensif* — см. G. Guillaume, Temps et verbe. Théorie des aspects, des modes et des temps, Paris, 1929), а также как «предшествование» (см. J. Damorette, E. Pichon, Des mots à la pensée. Essai de grammaire de la langue française, t. V, Paris, 1936).

² См., например, L. Clédat, Le participe passé, le passé composé et les deux auxiliaires, «Revue de philologie française et de littérature» t. XVII, fasc. 1, 1903.

*

Такой определенный порядок явно обнаруживается у составных словоформ, внутри которых выделяются отдельные элементы. При внешнем выражении различия в виде дополнительного звучания легко судить о степени и направлении отличия одной словоформы от другой. Например, словоформа [pɑrlō] составляет минимальное отрицательное отличие от [pɑrləŕō] и более значительное, причем тоже отрицательное — от [pɑrləŕjō], обнаруживая отсутствие соответственно одного [əŕ] и двух элементов [əŕ] — [j] ¹.

Определенный системный порядок среди таких словоформ заключается, очевидно, в последовательном характере их разл и ч и й, а именно — каждая словоформа: а) непосредственно отличается отнюдь не от всех словоформ сразу, а лишь от ближайшей менее распространенной (если таковая имеется): [pɑrlō] < [pɑrləŕō] < [pɑrləŕjō]; б) от всех остальных словоформ она отличается опосредствованно, через посредство словоформ с промежуточной степенью распространения.

$$[pɑrlō] < [pɑrləŕō] < [pɑrləŕjō]$$

Соответственно, каждая из более распространенных словоформ включает звучание и значение всех менее распространенных:

$$\begin{array}{l} [pɑrl] \leftarrow [\ō] \\ \quad \quad \quad [əŕ] \rightarrow \\ \quad \quad \quad [j] \rightarrow \end{array}$$

С другой стороны, отличие более распространенной словесной формы от менее распространенной сводится к различию дополнительного элемента и нуля: [pɑrləŕō]: [pɑrlō] = [əŕ]: *нуль*, что со стороны значения выглядит как различие типа *marqué* — *non-marqué* ².

Все дальнейшее рассуждение имеет смысл лишь в том случае, если мы согласимся допустить, что указанная последовательность различий внутри парадигмы закономерна не только для ряда форм с прозрачным составом (агглютинативного типа), но также и для всех остальных словоформ данной парадигмы, даже если внешнее различие между ними оказывается в этом отношении совсем невыразительным, например: *parler, parlant, parlons, parlé*.

Вообще говоря, такое допущение совершенно правомерно. Значение словоформы типа *parlé*, если оно сколько-нибудь определено, не может, очевидно, основываться на абсолютном отличии от любой другой словоформы вообще. Определенным значением может обладать непосредственное положительное отличие лишь от одной словоформы (менее значимой), в то время как все прочие различия будут уже опосредствованы этим первым. Таким образом, гипотетична не сама необходимость определенного порядка, а лишь тот или иной конкретный характер этого порядка. Мы предполагаем, что этот порядок — один и тот же для всех словоформ парадигмы, независимо от их большей или меньшей выразительности, и заключается в последовательности внешних различий, чему должна соответствовать и последовательность соотносительных значений ³.

¹ Соответственно, [pɑrlō] указывает просто на связь действия с лицом, в то время как [pɑrləŕō] относит эту связь в будущее, а [pɑrləŕjō] уточняет, что «будущая связь» в целом отнесена в прошлое.

² См. R. Jakobson, указ. соч., стр. 246. Приведенные выше формы иллюстрируют необходимость такого распределения значений самим характером внешнего различия.

³ В этом предположении мы опираемся на упомянутую уже работу Р. Якобсона, где автору удалось обнаружить такую последовательность для русских падежей, внешнее различие между которыми совершенно невыразительно.

При установлении взаимного расположения словоформ ряда *parler, parlons, parlez, parle, parles, parlent, parlant, parlé* обнаруживается вариантность единиц [pɑrlɔ], [pɑrle], [pɑrl], различие между которыми механически соответствует определенным взаимно-дополняющим «окружениям» (*nous*)—, (*vous*)—, (*je, tu, il, ils*) —. Тем самым они не могут иметь разных значений и могут быть отождествлены с определенной одной и той же единицей¹ (условно — *parlons...*), вследствие чего наш ряд приобретает вид: *parler, parlons..., parlant, parlé*.

Учет окружений, используемых в первую очередь для идентификации вариантов, позволяет в некоторых случаях определить соотносительное место невариантных единиц².

Примером может служить все та же единица *parlons...* Только словоформам этого тождества (*parlons, parlez, parlent, parle* и др.) и их производным (*parlerons, parlerions* и др.) свойственно сочетание-согласование с приглагольными субъектными местоимениями *nous, vous, ils — je — tu — il*. Тем самым эта единица отличается от всех остальных словоформ ряда *parlons... > parlant > parler* и т. д., причем, вероятно, является среди них наиболее значимой, будучи наименее значимой в ряду *parlerions... > parlerons... > parlons...* Соответственно, значением ее является, очевидно, указание на отнесенность к определенному лицу (ср. *parle!, parlez!, parlons!*), причем без тех временных модификаций, которые свойственны более распространенным словоформам (ср.: *nous parlerons*).

Для единицы *parlé* решающим моментом оказывается другое окружение — приглагольные объектные местоимения *me, te, le, la, se* и др.

При широком использовании таких высказываний, как *nous la parlons (cette langue), en la parlant, de la parler*, французская речь избегает высказываний вида *la parlé*. Лексическое содержание переходных глаголов как бы лишается в этой форме способности направляться на объект.

Это отрицательное свидетельство должно настораживать. Действительно, речь идет о связанном приглагольном элементе, который тем самым является характерным окружением глагола. Постоянное отсутствие такого элемента при одной из глагольных форм является фактом очень заметным, тем более что связанные приглагольные элементы составляют немногочисленную, легко обозримую группу. С другой стороны, отсутствие указанных объектных местоимений лишь при одной из глагольных форм не может быть случайным и должно находить свое объяснение не в чем ином, как в особом значении именно этой формы³.

Уже этого обстоятельства достаточно, чтобы признать причастие отличным от всех остальных словоформ глагола, и в первую очередь от минимальной из них — от инфинитива: *parlerions > parlerons > parlons > parlant > parler < parlé*.

Внутренний смысл этого отличия нельзя, конечно, сводить к утрате у глагольного действия, в форме причастия, способности переходить на объект. О такой утрате можно говорить лишь применительно к некото-

¹ Об «окружении» и «дополняющем распределении» (*complementary distribution*) см., например: Ch. N o s k e t t, указ. соч.; Z. S. H a r r i s, указ. соч.

² Нельзя, конечно, рассчитывать на то, что особое значение единицы находит прямое и обязательное отражение в виде особых, только ей свойственных окружений (ср. H. F r e i, *Critères de délimitation*, «Word», vol. 10, № 2, 1954). Однако было бы другой крайностью вообще отвергать изучение окружений даже в качестве косвенного средства обнаружить порядок единиц в парадигматическом плане.

³ Применительно к элементам внутри простого высказывания, с его определенной внутренней структурой, учет «окружений» (*environments*) представляется гораздо более эффективным средством классификации и более надежным материалом для каких-либо суждений о месте соответствующего «основного элемента» (*focus*), нежели такой же учет в сфере более сложных образований, представляющих комбинации, более или менее свободные, целого ряда простых высказываний.

рым, а именно так называемым «переходным» глаголам. Ослабление «переходности» следует скорее рассматривать лишь как частное, хотя и наиболее наглядное проявление некоторой общей особенности *participe passé*: в отличие от всех прочих форм, *participe passé* обозначает действие истекшее, «разряженное» (*action en détension*¹). Это значение присуще форме причастия как таковой и не зависит от лексического содержания глагола: ср. «Il but, *exténué* par sa grande dépense de souffle et d'éloquence» (R. Rolland, Colas Breugnon); «On savait seulement qu'elle vivait *retirée* dans des pratiques pieuses» (Flaubert, Salammbô).

Такое понимание вполне соответствует обычному способу распределения значений у соотносительных единиц:

<i>non-marqué</i>	<i>marqué</i>
<i>parler</i>	<i>parlé</i>
напряженное,	разряженное,
протекающее действие	истекающее (истекшее) действие

Значение «разряженного действия» уравнивает глагольную форму *participe passé* с другими языковыми единицами, указывающими на «неподвижный признак» (например, прилагательными), откуда ее сочетаемость с отрицанием *non* (вместо приглагольного *ne*): *non-marqué* (ср. *non-labiale*), возможность использования с этой формой префикса *in-* и суффикса *-ment* (*inattendu*, *assurément*), а также наличие, для некоторых глаголов, особого варианта женского рода (*faite*, *écrite*, *couverte*).

Существует даже мнение, что *participe passé* является «чистым глаголом» лишь в случаях типа *parcouru la rue* или *j'ai parcouru la rue*, а в остальных употреблении (*la rue parcourue*, *la rue est parcourue*) представляет собой прилагательное². Однако утверждать это — значит ставить на одну доску грамматическое значение формы, обусловленное положением в системе, и некоторые из ее речевых функций.

Отнесение причастия к имени есть лишь частный случай использования этой формы в речи³. Другим случаем речевого функционирования причастия является отнесение его к глаголу *avoir* в качестве смыслового дополнения. Получающаяся сложная конструкция является, таким образом, не чем иным, как прямым продуктом речевого следования единиц, речевым произведением в той же степени, как и любое другое сочетание *avoir* с последующим словом. Ср. «Il avait le corps pris dans une cuirasse brune» (Flaubert, Salammbô) и «Le Suffète avait pris sur le pont leurs catapultes abandonnées» (там же).

Тот факт, что за глаголом *avoir* следует причастие (а не имя), является решающим для возникновения между ними непосредственной смысловой связи, а следовательно, только он и дает нам право говорить о конструкции. В принципе неверна попытка обратного рассуждения, когда говорят о том, что конструкция (якобы заранее данная) не допускает между своими компонентами появления имени. На самом деле в этом случае кон-

¹ Наиболее удачное определение формы *participe passé* (*détension*) мы находим у Г. Гийома, которому можно поставить в упрек отнюдь не сам термин, а только способ его введения, опирающийся на произвольное (психологическое) расположение форм. Самым существенным является лишь четкое установление различия. Что касается термина, используемого для описания различия, то он может быть более или менее удачным и часто зависит от наличия подходящего слова (см. G. G u i l l a u m e, указ. соч.).

² Т. Н. К а л е п к у, Hat das Französische einen «participe passé», «Zeitschr. für französische Sprache und Literatur», Bd. LII, Hf. 1—3, 1929, стр. 89—96.

³ Появление при этом у некоторых причастий особых «форм согласования», т. е. специальных вариантов для жен. рода (*faite* < *facta*), ничего не говорит об их переходе в «прилагательные». Такой вариант отнюдь не является показателем какого-либо особого замкнутого класса единиц, он возможен у единиц различных классов; ср. *une vie heureuse*, *la ville passante*, *la lettre écrite* и даже *la lettre que j'ai écrite*.

струкция вообще не создается и о ней не приходится говорить. Насколько рассматриваемое сочетание является свободным, можно судить хотя бы по тому факту, что, оказавшись после имени (в случаях типа *la lettre que j'ai écrite*), причастие, помимо зависимости от *avoir*, обнаруживает смысловую связь с именем.

Совокупным значением этой конструкции должно быть, соответственно, нечто вроде «обладания»¹ (в широком смысле) «истекшим», «разряженным действием»: *Parcouru la rue — nous avons parcouru la rue; payé cette somme — nous avons payé cette somme*; ср. «Manger est bon, *avoir mangé est meilleur*» (France, *Les pensées de Riquet*). «Обладание» таким действием может относиться, в зависимости от контекста, к какому угодно времени: как к прошедшему [ср. «J'en conviens, oui, je suis cet abominable homme. Et quoique en vérité je pense *avoir commis* D'autres crimes encore que vous avez omis, *Avoir un peu touché* les questions obscures, *avoir sondé* les maux, *avoir cherché* les cures..., Je me borne à ceci, je suis ce monstre énorme» (Hugo, *Contemplations*)], так и к будущему [«Attendez! *J'ai bientôt terminé* et je vais pouvoir m'occuper» (France, *Crainquebille*)].

Традиционные названия, такие как *infinitif passé* или *passé composé*, представляются тем самым слишком узкими.

В отличие от простой формы прошедшего или будущего времени (*passé simple*, *futur simple*), сложная конструкция имеет в виду не время какого-либо действия, а само это действие, представленное как истекшее и принадлежащее какому-либо субъекту (например, как факт его существования, деятельности, биографии и т. д.)².

«Et je lus: „Monsieur de Saint Exupéry, je me vois obligé demander pour vous sanction à Paris, vous avez viré trop près des hangars au départ de Casablanca“. Il était vrai que j'avais viré trop près des hangars...» (Exupéry, *Terre des hommes*).

Как бы ни было абстрактно при этом значение глагола *avoir*, оно остается тем же самым лексическим значением, что и в случаях с объектом-именем. Ср. «Tout content de m'avoir, il me tenait les mains» (R. Rolland, *Colas Breugnon*). Наличие этого значения проявляется, например, в том, что после *avoir* не принято употреблять те глаголы, которые по своей семантике немыслимы как объект «обладания» (*naître* «рождаться», *mourir* «умирать», *devenir* «становиться» и т. д.).

Четкое отличие лексического значения *avoir* («включение чего-либо») от лексического значения *être* («включенность во что-либо») используется в случае так называемых «разноспрягаемых» глаголов: *Il est descendu* «он (есть) спустившийся (и находится внизу)»; *Il a descendu* «ему принадлежит соответствующее истекшее действие (но он мог и вновь подняться)».

Нельзя усматривать стирание смыслового различия *avoir — être* в том факте, что при местоименных глаголах обладанием выражается словом *être*: *Il s'est adonné au travail; il s'est levé*. Такие случаи можно объяснить тем, что при местоименных глаголах объект оказывается тождественным субъекту (по объему), так что истекшее действие столько же принадлежит субъекту, сколько включает его (*il s'est levé = = il a levé + il est levé*)³. Таким образом, для данного случая

¹ Ср. термин. *acquêt* (приобретение) у Ж. Дамурета и Э. Пишона (J. Damourette et E. Pichon, указ. соч., стр. 165).

² Ср. психологизированное определение Г. Вебера (H. Weber, *Das Tempus-system des Deutschen und des Französischen*, Bern, 1954, стр. 58).

³ См. L. Clédat, *En marge des grammaires: V — Les temps composés et surcomposés*, «Revue de philologie française et de littérature», t. XXXVIII, fasc. 1, 1926; Th. Kalerky, указ. соч.

разница в значениях *avoir* и *être* оказывается несущественной, и под влиянием различных факторов в качестве речевой нормы здесь мог закрепиться глагол *être*¹. Следовательно, и со стороны значения конструкция *avoir parlé* может рассматриваться как сочетание двух единиц, в полной мере сохраняющих свои значения.

*

Остается сделать одно замечание. Главное препятствие для предлагаемого понимания конструкции заключается в том, что вне конструкции форма *participe passé* (от переходных глаголов) оценивается обычно как пассивное причастие. Ср. «L'enseignement est donné par des maîtres qui sont au moins agrégés de grammaire» (V.-Couturier, *Enfance*). Между тем пассивный смысл такого причастия легко поддается объяснению, исходя из значения «ненапряженного» (разряженного или разряжающегося) действия и из особого контекстного условия, которое почему-то не замечается. Условие это состоит в следующем: причастие переходного глагола воспринимается как пассивное лишь в том случае, если оно по смыслу относится к имени как его определение (в том числе обособленное) или как предикатив (*attribut*). При этом подлинным агентом или причиной этого «разряженного» действия может оказаться совсем другое лицо или предмет (*l'enseignement est donné par les maîtres; la bouche, noircie par la cartouche*). Тем самым первое имя (определяемое) оказывается носителем признака действия, произведенного другим, посторонним лицом или предметом (см. стр. 39), откуда эффект «пассивности». Такая связь с двумя разными именами имеет место лишь у причастий переходных глаголов, причем отнюдь не всегда (ср. *il est bu* «он пьян»), и невозможна для причастий от глаголов непереходных и возвратных. Соответственно, последние не могут иметь пассивного оттенка: «... Le sabre d'adjutant — *venu d'où?*» (V.-Couturier, *Enfance*); «...qui retombent encore dans l'air *noirci*» (Verhaeren, *Poèmes*).

Таким образом, «пассивность» есть лишь эффект формы «ненапряженного» действия, который возникает в особых условиях. Естественно, что в случае конструкции *nous avons parlé*, где действие принадлежит лицу как факт его собственной, а не посторонней деятельности (ср. *la langue est parlée par nous*), такого эффекта не возникает.

*

Итак, подход, учитывающий характер существования элементов *avoir* и *parlé* на синтагматической и парадигматической осях, представляется полезным не только для выяснения структурного характера конструкции (свободное сочетание, не словоформа), но и для установления ее значения. Из этого вовсе не следует, что в дальнейшем данное сочетание нельзя отнести в число средств, используемых говорящим для указания на «вид» и на «время». Более того, в качестве такого средства конструкция может восприниматься говорящим как нечто е д и н о е, связанное с единым «мотивом употребления». Допуская правомерность такой оценки конструкции говорящим в сфере употребления, мы настаиваем на том, что объективно, в системе языка, доказать существование сложной формы *avoir parlé* невозможно.

¹ Местоименные глаголы оказываются в этом случае позицией, нейтрализующей различие *avoir* и *être*, и *être* оказывается своеобразной «архиморфемой», аналогично «архифонеме». См. N. S. T r u b e z k o y, Die Aufhebung der phonologischen Gegensätze, TCLP, 6, 1936, стр. 29—45.